

ДИСКУСІЇ

Вадим Аристов

Изобретение ордынского «цѣсаря»

Волынский хронист конца XIII в., рассказывая о планах завещания князя Владимира Васильковича в 1286/87 г., приводит его слова к двоюродному брату Мстиславу Даниловичу: «а даю тобѣ братоу своему. землю свою всю и города по своему животѣ. а се ти даю при цѣрихъ и при его радьцахъ»¹. «Цѣсарями» здесь названы ханы Золотой Орды, представители династии Джучидов, прежде всего хан Тула-Буга (Телебуга). Повторенное в тексте далее², это выражение носит «деловой» характер, чем отличается от редких и пафосных обозначений «цѣсарями» некоторых русских князей XI–XIII вв.³ Никогда ранее над Русью реально не господствовал «цѣсарь». Когда же и почему ханы получили на Руси обозначение «цѣсарей»?

В литературе, посвящённой руско-ордынским отношениям, можно найти красивую и практически монополярную концепцию *translatio imperii*⁴. Она заключается в том, что образ верховного сюзерена — византийского императора — после падения Константинополя в 1204 г. и завоевания Руси монголами был перенесён на ордынского хана. Теперь именно он занял «вакансию» и стал для Руси новым «цѣсарем», хотя и куда более реальным, нежели далёкий византийский властелин. Итак, указанная концепция основана на мысли, что русская элита имела представление о единственном императоре и империи. Но это и есть её самое слабое звено. Идеи о трансляции империи и единственном, «избранном», царстве укоренились на восточноевропейском пространстве позднее и характерны для московской книжности XVI в.

---

1 ПСРЛ 2: 898.

2 ПСРЛ 2: 929. До этого упоминался также «великий цѣсарь» Менгу-Тимур (ПСРЛ 2: 871).

3 Самым близким по времени примером такого рода является странный пассаж о Романе Мстиславиче, который «бѣ цѣрь в Роуской земли. иже покори Половецкуюю землю. и воева на иные страны всѣ» (ПСРЛ 2: 808).

4 См., напр.: Michael Cherniavsky, “Khan or Basileus: an Aspect of Russian Mediaeval Political Theory,” *Journal of the History of Ideas*, 20, N 4 (1959), 459–476; С. J. Halperin, *Russia and the Golden Horde* (London, 1985), 71, 98–100; Успенский Б. А. *Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов*. М., 2000, 34–51; Филлошкин А. И. *Титулы русских государей*. М., СПб., 2006, 73–75; Почекаев Р. Ю. *Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды*. СПб., 2010, 5–6.

Собственно Киевская Русь оставалась в стороне от жарких споров о наследии единственной (естественно Римской) империи и не интересовалась теориями иерархии государей. В русских произведениях нет следов представления об уникальности императорского титула. В них свободно уживаются различные «цѣсаря». Так, в *Повести временных лет* этот титул носят: христианские византийские («греческие») императоры, римские императоры-язычники, персидские шахи, ветхозаветные правители Египта и израильские цари. В *Киевской летописи* в сообщениях конца XII в. появляется также «цѣсарь нѣмечьский»⁵, несколько раз упоминаемый и в её волынском продолжении XIII в.⁶ Примечательно, что в *Повести о взятии Царьграда в 1204 г.* в едином повествовании сосуществуют оба христианских «цѣсаря» — «греческий» и «немецкий» (а вдобавок и новоявленный «латинский» «цѣсарь» Константинополя), и это не вызывает у автора произведения ни малейшего смущения. Уже в XIV в., после возрождения Византии, для русинов не возникает противоречия между ордынским и «греческим» «цѣсарем» — у каждого своя «парафия».

Словом, у нас нет оснований предполагать знакомство русских книжников XIII в. с какой-либо идеей универсальной империи. Напротив, обществу Руси были известны разные «цѣсаря» и разные, так сказать, качества «цѣсарства». Следовательно, изучать возникновение ордынского «цѣсарства» надо без постоянной оглядки на византийские или какие-либо иные имперские концепции. Не менее важно учитывать эволюцию, которую прошли представления о верховной власти в русских землях и особенно в Московской Руси до конца XVI в. Тем временем, исследователи обычно оперируют обобщённым понятием «царства» и сводят вместе свидетельства за триста лет (от монгольского завоевания до принятия царского титула Иваном Грозным). Такой подход затрудняет понимание того, как возникло представление о «татарском цѣсаре» в XIII в.

В настоящей статье применяется другая оптика. В рассмотрение берётся гораздо более узкий отрезок времени — лишь несколько десятилетий XIII в. после Западного похода Батые. Наша задача — проанализировать особенности употребления титулатуры монгольских правителей в русских исторических текстах XIII в., которые могли бы объяснить появление «цѣсаря».

На одну существенную закономерность употребления термина «цѣсарь» в начальный период монгольского владычества над Русью обратил внимание А.Н. Насонов. По его наблюдению, сперва «цѣсарями» на Руси называли великих ханов, и только с 1260–1270-х гг., с распадом Монгольской империи

---

5 ПСРЛ 2: 666–667.

6 ПСРЛ 2: 723, 776, 814.

и выделением из её состава Золотой Орды, этот термин переносится на «близких» золотоордынских правителей⁷.

Однако наш вопрос звучит иначе: когда именно и почему в принципе хан стал именоваться «цѣсарем»? Можно ли установить конкретный событийный и географический контекст этого «чудесного превращения»? Наконец, каким был изначальный смысл концепции хана-царя?

Из русской историографии XIII в. наименее значима в этом отношении *Галицко-Волынская летопись* или, корректнее, две *Волынские хроники*, поскольку их тексты составлялись ретроспективно. Правителей Орды «цѣсарями» именуется только вторая из них, созданная на рубеже 1280–1290-х гг.⁸ Причём, как было сказано в начале, это отражает уже сложившуюся к тому времени практику. *Первая Волынская хроника*, составленная, по всей видимости, в 1260-х гг., не присваивает ордынским правителям царский титул⁹.

Большее значение для нас имеют *Новгородская первая летопись* (далее — *НПЛ*) и *Суздальская летопись* (далее — *Сл*). В основе их текстов лежат анналы, которые велись, соответственно, в Новгороде и Суздальской земле¹⁰. Специальные исследования А.А. Гиппиуса и Т.В. Гимона показывают, что новгородские анналы пополнялись регулярно: или ежегодно, или небольшими сериями не реже, чем раз в три—четыре года¹¹. Аналогичный характер формирования основного текста *Сл* предполагает А. Тимберлейк¹². Это значит, что указанные тексты являются относительно синхронными событиями, и на их материале можно отслеживать закономерности употребления обозначений монгольских правителей.

В младшей редакции *НПЛ* (*НПЛмл*) титул «цѣсарь» активно применяется к правителям Орды в «житийных» фрагментах, посвящённых Александру

7 Насонов А.Н. *Монголы и Русь (история татарской политики на Руси)*. М., Л., 1940, 30. Ю.В. Селезнёв развил эти наблюдения: Селезнёв Ю.В. *Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV вв.* Воронеж, 2013, 53–58.

8 *ПСРЛ* 2: 871, 898 (трижды), 929 (дважды).

9 Характерен эпизод с «двуличным» Андреем, имевшим две лояльности: «Андрѣви же на двое боудушоу. швогда взывающоуса королевь есмь. швогда же Татарьскимь» (*ПСРЛ* 2: 829). Одну лояльность хронист передал выражением «королевь есмь». Логично было бы и вторую определить подобным образом, например «взывающуся цѣсаревымь». Но нет, преданность Орде обозначена с помощью этнонима.

10 На протяжении XII–XIII вв. центров суздальской анналистики было несколько (Владимир, Ростов, Переяславль-Залесский, Тверь). В интересующий нас период, вероятнее всего, записи велись в Ростове.

11 Гимон Т.В. Как велась новгородская погодная летопись в XII в.? *Древнейшие государства Восточной Европы 2003 год*. М., 2005, 316–352; Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении), I. *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005*. М., 2006, 114–251; Гимон Т.В. Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи. *Средневековая Русь*. Вып. 6. М., 2006, 80–118.

12 А. Timberlake, “Who Wrote the Laurentian Chronicle (1177–1203),” *Zeitschrift für slavische Philologie*, 59 (2000), 237–266. См. также дополнения Т.В. Гимона: Гимон Т.В. К сегментации Лаврентьевской летописи. *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2015, 3 (61). М., 2015, 28–29.

Невскому и Михаилу Черниговскому. Однако они не принадлежат к аутентичному анналистическому слою памятника. Датировка их составления спорна, но, скорее всего, не ранее последних десятилетий XIII в.¹³ Показательно также, что эти произведения не были включены в старшую редакцию *НПЛ*. Для данного исследования это ненадёжные тексты, которые строгости ради следует вынести за скобки дальнейшего обсуждения.

Первое упоминание монгольского «цѣсаря» собственно в теле *НПЛ* находится под 1242 г. Правда, чтения в двух её редакциях разнятся (отличия выделены жирным):

<i>НПЛст</i>	<i>НПЛмл</i>
Того же лѣта князь Ярославъ Всеволодиць позванъ цесаремъ татарськымъ Батыемъ иде к нему въ Орду	Того же лѣта князь Ярославъ Всеволодиць позванъ цесаремъ Татарськымъ и иде в Татары къ Батыевѣ воеводѣ татарську

Стоит обратить внимание на то, что в *НПЛст* «цѣсарем» назван Батый, тогда как *НПЛмл* разделяет татарского «цѣсаря» (великого хана) и «воеводу» Батыя. Поскольку разделение непосредственного правителя Улуса Джучи и великого хана перестало быть актуальным к началу XIV в., следует считать чтение *НПЛст* более поздним сокращением текста, сходного с *НПЛмл*.

Но и это вряд ли изначальный вид сообщения. Упоминание «цѣсаря» в этом месте *НПЛ* является изолятом, что наводит на мысль о редакторском вмешательстве в более краткое оригинальное сообщение. Как представляется, интерполяция могла быть сделана под влиянием *Жития Александра* или *Повести об убиении Михаила Черниговского*, или же попросту отражать реалии последней трети XIII в.¹⁴ Изначальный анналистический текст мог бы выглядеть, например, так:

князь Ярославъ Всеволодиць [позванъ цесаремъ Татарськымъ и] иде в Татары къ Батыевѣ [воеводѣ татарську].

Это очень близко к варианту *Сл*: «великыи кня³ Ярославъ. поѣха в Татары к Батыевѣ». Первым же косвенным свидетельством о монгольском «цѣсаре» в *Сл* можно было бы считать сообщение 1252 г.¹⁵:

здума Андрѣи кня³Ярослави⁴. с своими бояры. [бѣгати нежели цѣрмъ служити]. и побѣже на невѣдому землю. со княгынею своею. и с бояры своими. и погнаша

13 *СККДР*. Вып. 1. Л., 1987, 354–363, 412–416

14 Ранее мне приходилось обосновывать мысль о редакционном эпизоде начала 1270-х гг., в ходе которого на основе местных анналов была создана первая новгородская хроника (Аристов В.Ю. Любецка битва 1016 р. в ранньому літописанні (до дискусії навколо ідеї О.О. Шахматова). *ВІЖ*. 2013, № 1, 162–163).

15 *ПСРЛ* 1: 473.

Татарове в слѣдъ ѿго. и постигоша и оу города Переяславла. Бѣ же схрани и и млтѡва ѿго шца.

Впрочем, и здесь мы имеем дело с изолятом, выбивающимся из ниже описанной тенденции. Поэтому в данном месте можно предполагать позднейшее редакторское вмешательство — глоссу, содержавшую оценку/объяснение поступка князя Андрея. Это, вероятно, было сделано по прошествии определённого времени, когда «служение цѣсарям» уже стало понятной практикой.

Регулярное употребление титула «цѣсарь» в отношении монгольских правителей начинается в *НПЛ* (по обеим редакциям) с 1257 г. Он появляется в рассказе о переписи населения в Новгородской земле, которую проводили монголы:

и почаша просити послы десятины, тамгы и не яшася новгородьци по то даша дары цесареви и отпустиша я с миромь¹⁶.

Аналогичную, и даже более показательную, картину демонстрирует *Сл*. До 1257 г. монгольских правителей именуют просто по имени или словом «кан»/«канович». Например, под 1243 г.¹⁷: «Великѡи кна³ Ярославъ. поѣха в Татары к Батѡеви. а сна своего Константина посла къ Канови». Только с 1257 г. начинает регулярно употребляться титул «цѣсарь»¹⁸:

тоѡѣ зимы приѡха Глѣбъ Василкови⁴. ис Кану земли ѡ цѣра і ѡжениса в Вордѣ Тоѡѣ же зимы приѡхаша числениці исцетоша всю землю Сужальскую и Разаньскую. и Мюромьскую и ставиша десатники. и сотники. и тысащники и темникі. и идоша в Ворду. толико не чтоша игуменовъ. черньцовъ. поповъ. крилошанъ. кто зреть на стую Бѡю. и на влдку.

В словах «ис Кану земли ѡ цѣра» можно усмотреть своеобразный переход к новому обозначению, зафиксировать смену традиции и превращение «кана» в «цѣсаря».

Следующее упоминание «цѣсаря» датируется 1262 г.¹⁹: «бѣ бо тогда тита⁴ приѣхалъ ѡ цѣра Татарского. имене⁴ Кутлубии золь съи бесурменинъ». С конца XIII в. подобная титулатура уже становится обязательной в русских текстах.

Примечательно, что в *Сл* до 1257 г. описания визитов русских князей в Орду чаще всего сопровождаются словами о том, что татарский правитель «почтил» того или иного князя и тот вернулся в свою отчину «с честью».

16 *Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов*. М., Л., 1950, 82.

17 *ПСРЛ* 1: 470.

18 *ПСРЛ* 1: 474–475.

19 *ПСРЛ* 1: 476.

В 1257 г. замечаем сбой в формуляре сообщений о поездках в Орду. Теперь князья чтят хана²⁰:

1257 г. «Поѣхаша князи в Татары. Александръ. Андрѣи. Борисъ. чтивше Оулавчѣя. приехаша въ свою вѣчину»;

1258 г.: «поидоша князи в Татары. Влександръ. Андрѣи. Борисъ. Ярославъ Тфѣрьскіи. чтивше Оулавчия. и вса воєводы. и ѿпущени быша въ свою вѣчину»²¹.

Итак, именование ханов «цѣсарями» в *НПЛ* и *Сл* начинается с 1257 г., что совпадает по времени с приходом в Восточную Русь и Новгород «численников» для проведения переписи населения. Вряд ли совпадение случайно. По всей вероятности, именно эта акция превратила хана в «цѣсаря» в глазах русской элиты. Но каков был непосредственный механизм превращения?

Контекст появления нового титула — перепись населения — даёт основание предполагать, что главной причиной именованя хана «цѣсарем» была евангельская параллель. Это перепись населения Иудеи «цѣсарем» Августом, отмеченная у Луки (*Лк* 2, 1–4)²². Евангельское происхождение образа могло способствовать перенесению титула «цѣсарь», применявшегося в XIII в. к христианским императорам, на языческого правителя, поскольку Август был язычником. В дальнейшем термин «цѣсарь» мог обрастать новыми коннотациями, первоначальный смысл мог забываться. Но для нас важно понять изначальную логику нового обозначения ордынского правителя, связанную с конкретными условиями 1257–1259 гг. И в таком случае гипотеза о параллели с новозаветной переписью «всей вселенной» «цѣсарем» Августом представляется наиболее убедительной.

Несмотря на то, что в *НПЛ* и *Сл* нет прямых аллюзий на библейский сюжет, аналогия вполне очевидна. Важно заметить, что перед нами не какой-либо знакомый лишь редким книжникам рассказ из хроник Амартола или Малалы, а общеизвестная новозаветная история. Отсутствие явных отсылок к *Библии* может свидетельствовать также о том, что суздальские и новгородские анналисты не сами изобрели «цѣсаря», а лишь отразили недавно возникшее обозначение хана. То, что в дальнейшем «цѣсарская» терминология успешно прижилась на Руси, подтверждает, что она не была сугубо учёным, «келейным», измышлением.

Во время переписи население Руси впервые столкнулось с реальным проявлением монгольской власти на своей земле. Завоевания 1237–1241 гг. были жестокими, но скоротечными. Теперь же речь шла о закреплении внешнего управления и вмешательства во внутренние дела Руси на неопределённое

20 Надо полагать, это и стало одним из проявлений «службы цѣсарям», несогласием с которой объясняется бегство Андрея Ярославича в статье 1252 г.

21 *ПСРЛ* 1: 474–475.

22 См., напр.: *Святое Евангелие по Остромирову списку*. Прага, 1853, 86–87; *Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования, древнерусский текст, словоказатели*. М., 1997, 327–328.

время. Такое угрожающее приближение монгольской власти не могло не ускорить её (пере)осмысление.

Стоит заметить, что перепись 1257–1259 гг. не была первой для русских земель. Как следует из отчёта Плато Карпини, подобная акция была проведена на юге Руси около 1245 г.²³ Неясно, каких именно территорий она касалась, но вряд ли распространялась на Галицию и Волынь. Весьма показательно, что эта перепись осталась совершенно «незамеченной» ни волынскими, ни новгородскими, ни суздальскими текстами. Выстрел оказался холостым. Зато приход «численников» в Суздальскую и Новгородскую земли в 1257–1259 гг., воспринятый в апокалиптических тонах²⁴, сыграл решающую роль в формировании образа «цѣсаря» Орды.

Поражает быстрота этого процесса. В *НПЛ* и *Сл* новый титул появляется ровно в год переписи, и может возникнуть сомнение в возможности столь стремительной инновации. Реалистичное объяснение заключается в том, что тексты создавались не вполне синхронно с событиями, а с некоторым «запаздыванием». Насколько большим оно было? Как указывалось ранее, новгородские и суздальские анналы пополнялись в целом регулярно. Но противоречия нет: анналистическая модель историографии предусматривает внесение записей за 3–4 года задним числом. В нашем случае это тем более вероятно, что цепь событий, связанных с переписью, началась в 1257 г. и завершилась лишь в 1259 г.²⁵ Пусть и небольшой период в 2–3 года в тех специфических условиях, как кажется, был достаточным для возникновения новой концепции монгольской власти. Сохранившиеся рассказы о событиях передают атмосферу напряжения и смятения. Так, под 1257 г. в *НПЛст* читаем:

Приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ; и смятошася люди чересь все лѣто [...] Тои же зимы приѣхаша послы татарьскыи съ Олександромъ, а Василии побѣже въ Пльсковъ; и почаша просити послы десятины, тамгы, и не яшася новгородьци по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миромъ²⁶.

В 1258 г., по сообщению *Сл*, «тоѣ же зимы и приѣхаша численици в Володимерь. и поидоша численици. и князи к Новугороду Великому Александръ. Андрѣи. Борисъ. ищтоша и поѣхаша фпа[†] в Володимерь»²⁷. Перемещения аристократии и высшего клира между главными центрами Суздальской и Новгородской земель создавали единое коммуникативное поле. В нём и

23 Джиованни дель Плато Карпини. *История монгалов*. М.; 1957, гл. 7:1:1.

24 Яркая аналогия — перепись, инициированная в Англии Вильгельмом Завоевателем. Не зря её материалы получили название «Книга Страшного суда» (Domesday Book).

25 Точнее, даже в 1262 г., когда в ходе восстания из главных городов Суздальской земли были изгнаны баскаки (*ПСРЛ* 1: 476).

26 *НПЛ*: 82.

27 *ПСРЛ* 1: 475.

могла быстро вызреть идеологическая реакция на невиданную административную практику, известную прежде только из Священного Писания.

В статье 1259 г. *НПЛ* рисует картину угрозы, нависшей над Новгородом:

Бысть знамение в лунѣ, яко ни знаменія не бысть. Тои же зимы приѣха Михаило Пинешиничъ из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: «аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовской земли»; и яшася новгородци по число» [...] «и чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: «умремь, честно за святую Софью и за дома ангельскыя». Тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ по святой Софьи и по правои вѣрѣ; и створиша супорь, вятшии велятса яти меншимъ по числу [...] И почаша ѣздити оканънии по улицамъ, пишоче дома христьяньскыя²⁸.

Анналист или хронист, несколько позже редактировавший погодный текст, мрачно описывает перепись Новгорода, которой жители смертельно боялись. Не удивительно, ведь единственная, известная им из Евангелия и ежегодно вспоминаемая на рождественской литургии, перепись населения окончилась избиением младенцев²⁹. Даже с учётом обычной для русского книжника высокопарной риторики трудно отбросить общий образ общественных настроений. Пересчёт язычниками населения и имущества ожидаемо актуализировал христианскую идентичность и, должно быть, вызывал ассоциации с библейскими событиями.

Таким образом, анализ имеющихся данных ведёт к заключению, что мысль о применении к ордынскому правителю понятия «цѣсарь» появилась в Восточной и Северной Руси в период (и под впечатлением от) переписи 1257–1259 гг. До конца XIII в. это понятие утвердилось как стандартное и единственно возможное по отношению к ханам, причём не только в книжной среде, но и в языке политической элиты.

И не только в Суздальской и Новгородской землях. До конца 1280-х гг. новый титул уже был принят в обиход на Волыни. Независимое изобретение «цѣсаря» в Юго-Западной Руси маловероятно. Легче предположить заимствование из Руси Северо-Восточной. Оно могло осуществиться разными путями, посредством церковной и аристократической коммуникации. Благодаря «узловым событиям» типа церковных соборов, династических браков или общих военных походов распространялись новые практики и формировался новый «политический язык». В проникновении в Юго-Западную Русь идеи «татарского царя» мог сыграть важную роль киевский церковный собор 1273 г.³⁰ Из династических контактов между Волынью и Суздальщиной самым известным в это время явилась поездка князя Юрия Львовича жениться «в Суздаль» в 1282–1283 гг. Наконец, волынские князья принимали участие

28 *НПЛ*: 82–83.

29 *Архангельское Евангелие 1092 года*, 333–334.

30 Щапов Я.Н. *Византийское и южнославянское наследие на Руси в XI–XIII вв.* М., 1978, 181–185.

в походах вместе с «заднепрянскими» князьями (1276 г.), которые могли служить «передаточным звеном» между западными и восточными регионами Руси. В целом, к сожалению, мы имеем очень отрывочные сведения о сообщениях между русскими землями во второй половине XIII в., но их количество было явно не меньше того, что отразилось в источниках.

Нельзя исключать и чисто литературного влияния, поскольку до конца XIII в. ряд суздальских текстов мигрировали на Волынь. На основе одного из них в XV в. была создана *Радзивилловская летопись*³¹, другой текст лёг в основу *Летописца Переяславля-Суздальского*, озаглавленного в рукописи *Летописец руських царей*.

Обозревая историю русско-ордынских отношений в широком временном и географическом контексте, может возникнуть впечатление безальтернативности и естественности восприятия на Руси степного императора «цѣсарем». Однако, если взглянуть на источники с более близкого расстояния, можно заметить, что идея татарского «цѣсарства» не была столь очевидной. На протяжении первых десятилетий после завоеваний Батыея (не учитывая первого «знакомства» на Калке) Русь обходилась без цесарской титулатуры монгольских правителей. Их могли называть «канами», «воеводами»³², возможно «великими князьями»³³. На исходе XIII в. на всём русском пространстве ханы уже обозначались исключительно как «цѣсари». Терминологический слом произошёл в конкретном времени и месте в специфических обстоятельствах — в Суздальской и Новгородской землях на рубеже 1250–1260-х гг. в условиях переписи населения монголами. На выбор нового термина решающим образом могла повлиять евангельская параллель — перепись населения «цѣсарем» Августом в год рождения Иисуса. Видимо, идея переименовать «кана» в «цѣсаря» оказалась удачной во многих отношениях, благодаря чему быстро прижилась. Изобретение ордынского «цѣсаря» состоялось.

31 Толочко А.П. «Не преступати предела братня» (об источниках миниатюр Радзивилловской летописи). *Ruthenica* XII (2014), 71–72.

32 В *Первой Волынской хронике* в рассказе о взятии монголами Киева «воеводами» названы представители династии Чингизидов, в частности Менгу и Гуюк (*ПСРЛ* 2: 785).

33 В рассказе о визите Даниила Романовича в Орду «великой княгиней» названа жена Батыея (*ПСРЛ* 2: 807), что Селезнев рассматривает как косвенное указание на восприятие и самого Батыея «великим князем» (Селезнев Ю.В. *Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV вв.*, 56).